

Оглавление

Введение	3-4
Глава I. Эмоция и оценка как объекты лингвистики	5
1.1. Предметно-логическое и эмотивное содержание семантической структуры слова.....	5-12
1.2. Категоризация эмоций в языке.....	12-15
1.3. Классификация оценок.....	15-22
Глава II. Номинативные поля эмоций и оценок с зооморфными компаративами	23
2.1. Эмоция и оценка в семантике зооморфных компаративных и соматических ФЕ.....	23-28
2.2. Номинативные поля эмоций с зооморфными компаративными фразеологическими компаративами.....	28-29
2.3. Номинативные поля оценок с зооморфными компаративными фразеологическими единицами.....	30-38
Заключение	39-43
Библиографический список	44-54
Список лексикографических источников	54-56

Введение

Термин «лингвистика эмоций», как и его синонимы «эмотивистика», «эмотиология», реже - «эмотология», вошёл в лингвистический дискурс сравнительно недавно. Появлению нового раздела языкознания предшествовал длительный спор о том, являются ли эмоции объектом исследования лингвистики. Многие известные языковеды решительно отвергали мысль о включении в исследование языка эмотивных его составляющих [Jakobson, 1963; Weisgerber, 1929; Bühler, 1933; Соссюр, 1977; Звегинцев, 1957; Sapir, 1921; Kerbrat-Orecchioni, 1977], полагая, что приоритетными направлениями лингвистики является информативная, когнитивная, рациональная составляющая языка. Другие, не менее известные лингвисты [Балли, 1961; Азнаурова, 1973; Шмелёв, 1973; Стернин, 1985; Травничек, 1956; Шаховский, 1987; 2008; 1994; Danes, 1987; Арнольд, 2009; Volek, 1987; Wierzbicka, 1986; 1995; Aitchison, 1985; Ullmann, 1957], напротив, считают, что исключение эмотивных компонентов языка из лингвистических исследований практически невозможно, так как когниция и эмоция связаны неразрывно. Более того, некоторые учёные считают, что эмоции являются довербальным компонентом когниции, и не только дополняют её, но и детерминируют [Isard, 1977; Goleman, 1997; Gray, 1973].

Взаимодействие сознания человека с окружающим миром происходит по двум каналам – интеллектуальному и эмоциональному. Поэтому деление слов на нейтральные и эмотивные в известной степени условно в том смысле, что нейтральная лексика достаточно легко может переходить в разряд эмотивной. Как справедливо отметил Ш.Балли, «не бывает абсолютно рассудочных и абсолютно рациональных речевых актов ... значение имеет только пропорция, в которой они представлены» [Ш.Балли, 1961:188]. Аналогичную позицию в этом вопросе занимали Д.Н.Шмелёв, который полагал, что «каждое слово при известных обстоятельствах может стать носителем эмоционального заряда» [Шмелёв, 1973:245] и В.В.Виноградов, указывая, что «слово является

одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний» [Виноградов, 1972:21].

Всё, что мы воспринимаем на рациональном уровне почти всегда оценочно и эмоционально окрашено. Эмоциональное отношение, эмоциональная реакция индивида на окружающую его реальность вербализуется в языке, и сама становится объектом исследования.

В настоящее время лингвистика эмоций состоялась как относительно самостоятельная отрасль знания о языке со своим терминологическим аппаратом, метаязыком эмотиологии, со своими целями, задачами и методами исследований, направлениями и приоритетами научных поисков. К базовым терминопонятиям эмотиологии относятся: концептуализация, лексикализация эмоций, эмотивность, номинация, дескрипция, выражение, вызывание эмоций, эмотивные компоненты семантической структуры слова, фонд эмотивных средств языка, эмоциогенность, эмоциональная /эмотивная доминанта, эмоциональная компетенция, лексико-семантическое поле эмотивов, функционально-семантическое поле эмотивов и др. [Шаховский, 1987; 2009].

Сфера интересов лингвистики эмоций широка и многообразна. Выявление и таксономия языковых средств, вербализующих эмоции, анализ этнокультурных специфик концептуализации эмоций, типология эмотивных языковых картин мира, манифестация эмоций в различных типах коммуникативных актов и её зависимость от национальных социокультурных факторов, лексикография эмотивности, соотношение лингвистических и паралингвистических средств выражения эмоций, прагматический аспект эмотивов относятся к приоритетным направлениям исследований.

Глава I. Эмоция и оценка как объекты лингвистики

1.1. Предметно-логическое и эмотивное содержание семантической структуры слова

Споры по поводу необходимости исследования эмотивного аспекта языка безвозвратно ушли в прошлое. Но вопрос о том, каким образом связано (и связано ли вообще) предметно-логическое значение слова с эмотивным, по-прежнему остается актуальным.

В.А.Звегинцев, не отрицая наличия эмоциональных элементов в языке, поскольку это отрицание вступало бы в противоречие с фактами, полагал вместе с тем, что экспрессивно-эмоциональные значения являются предметом исследования не семасиологии (науки об изучении значений языковых единиц), а стилистики [Звегинцев, 1957]. По сути дела такое определение статуса эмоциональных элементов есть ни что иное, как констатация того, что эмоциональный компонент лексемы сосуществует с предметно-логическим, но не детерминируется последним. Если исходить из определения семасиологией семантической структуры слова, его смыслового строения, как совокупности иерархически упорядоченных и внутренне связанных сем (лексико-семантических вариантов), то доказать наличие взаимосвязи между предметно-логической основой слова и его эмотивным компонентом представляется непростой задачей.

Полемизируя с [Финкель, Баженов, 1951; Травничек, 1956], противопоставлявших абстрактной, рассудочной лексике лексику эмоциональную, обозначающую чувства, оценки, такие как: любовь/ненависть, привлекательный /отвратительный и др., В.А.Звегинцев небезосновательно отмечал, что в словах, номинирующих чувства, выражены не сами эмоции, а понятия об этих эмоциях, а в оценочных лексемах – понятия о качествах объекта [ibid. : 178].

Эмотивный характер слов-аффективов, как например, *кляча, морда, хайло/ паг, туг, grill/ дырга, гемхот, гана* и др. признается всеми исследователями [Erdmann, 1925; Звегинцев, 1957; Stern, 1931; Виноградов,

1953; Шаховский, 1987, 2009 и др.], однако вопрос об отношении эмотивности к семантической структуре слова решается по-разному.

Все слова языка, безусловно, можно соотнести по характеру их аффективности с функциональными языковыми стилями, количество которых сводится к основным трём: высокий, книжный – нейтральный – разговорно-фамильярный, сниженный. В пластах высокой и сниженной лексики есть стилистические синонимы, противопоставленные так называемым нейтральным словам, словам с нулевой эмотивностью: *яства – еда – шамовка*, *лик – лицо – морда*, *horse – steed* «лошадь – конь (арх. /лит.: см.: *steed* - archaic or literary: a horse, esp. one that is spirited or swift)», *house – hovel/ юй - гыты* «дом – лачуга, хибара, шалаш» и др. Стилистически сниженные и возвышенные синонимы выражают своё основное, предметно-понятийное значение, по мнению В.В.Виноградова, опосредованно, через номинативное значение соответствующего нейтрального синонима. Поэтому основным значением сниженных и возвышенных слов является не предметно-понятийное, а экспрессивно-стилистическое [Виноградов, 1953: 13-14].

Если слово лишено своего собственного предметно-понятийного содержания и для обозначения реальности как бы вынуждено заимствовать его у слова-посредника, нейтрального синонима, то слова серии *хоромы – жилище – хибара, лачуга/ palace (mansion), dwelling (house), hut, shack* дифференцируются не по их предметно-логическому значению, а по экспрессивно-стилистическим компонентам. В какой бы контекст не были помещены слова «*хоромы (palace)*», «*хибара (hut)*» они будут выражать одно и то же предметно-логическое значение, никак не зависящее от их эмотивного содержания.

Совсем иначе обстоит дело с лексико-семантическими вариантами, например, слова *famine – «голод»*: 1) *extreme and general scarcity of food, as in a country or a large geographical area*; 2) *extreme hunger; starvation*; 3) *any extreme and general scarcity*). Эти три значения, три лексико-семантических варианта,

будучи семантически связанными между собой, всё же обладают только им присущими смысловыми оттенками в зависимости от дистрибуции.

Следовательно, и именно на это обстоятельство указывает [Звегинцев, 1957], экспрессивно-стилистические компоненты слова представляют интерес не для семасиологии, а для стилистики. Аналогичного мнения придерживается [Курилович, 1955].

Небезупречен также тезис о том, что эмотивность как неотъемлемое свойство семантической структуры слова, покрывает его всё без остатка. Достаточно беглого взгляда на семантическую структуру многозначных слов, чтобы убедиться в том, что только некоторые их лексико-семантические варианты эмоционально окрашены. Например, *шестёрка*: 1) вид транспорта, нумеруемый цифрой 6; 2) игральная карта с шестью очками; 3) упряжка из шести лошадей; 4) шестивёсельная лодка, шлюпка; 5) тот, кто находится в беспрекословном подчинении у кого-либо, выполняя чужую волю. В этом слове только пятый лексико-семантический вариант имеет устойчивый эмоционально-стилистический компонент.

Эмоциональные компоненты языка могут выявляться безо всякой опоры на предметно-логическую основу слова. Это не только случай междометий, но и многочисленных примеров звуковых аллитераций, широко используемых как стилистический приём в поэзии футуристов и символистов для придания тексту большей экспрессии. Кроме того, в языке наблюдаются множественные явления несовпадений, нескоординированности предметно-логического значения и эмотивного (*ужасно смешно, чертовски красиво, дьявольски прелестна, убийственно мила, terribly funny, devilishly beautiful, diabolically charming, devastatingly sweet* и др.), что ещё раз доказывает существование эмотивности независимо от предметно-логической основы слова.

Соглашаясь во многом с позицией В.А.Звегинцева и подвергая критике лингвистов, которые не разграничивают по эмотивности, с одной стороны, слова с уменьшительно-ласкательными и уничижительными суффиксами, а с другой, слова, именующие эмоции [Галкина-Федорук, 1954:136-137;

Петровский, 1959], Д.Н.Шмелёв, считает, что эмоциональные элементы, обнаруживаемые при сопоставлении стилистических синонимов с нейтральными словами, входят в семантическую структуру первых, то есть слова *кляча, судилище, приспешник, легавый (nag, lynch mob, henchman, flatfoot)* и др. обладают устойчиво закреплёнными за ними эмотивными семами.

Для него вопрос о включении (исключении) эмотивных компонентов в семантику слова является скорее терминологическим, чем принципиальным. Всё зависит от того, как определяется термин «значение». Если в его дефиницию входит понятие «эмотивная сема», стало быть, семантическая структура лексемы состоит также из эмотивных сем, которые должны учитываться семасиологическими исследованиями [Шмелёв, 1973:247]. Этого же мнения придерживается [Ullmann, 1957:98]. К эмотивно-окрашенным словам, по мнению Д.Н.Шмелёва, можно также относить те диалектизмы и профессионализмы, которые в определённом контексте приобретают дополнительные эмотивно-смысловые оттенки, а также жаргонные слова и выражения. Однако при этом, он предпочитает включать в понятие «лексическое значение» только устойчивые, а не контекстуально обусловленные эмоциональные элементы. Значимым в слове является его «предметное» значение (понятийное содержание) и экспрессивно-стилистическая окраска в широком смысле [Шмелёв, 1973:254].

Освещение случаев ухудшения и улучшения значения слова в процессе семантической эволюции в интерпретации этих известных лингвистов приобретает совершенно противоположную трактовку, несмотря на то, что они имеют прямое отношение к дискутируемой проблематике. В.А.Звегинцев категорически не согласен с тем, что эти процессы отождествляются с такими, как расширение и сужение значения, которые происходят в семантической структуре слова под воздействием экстралингвистических и лингвистических (дистрибутивных) факторов [Schrijnen, 1921:166-167]. Особенно показательно в этом случае расширение значения слова, когда новые лексико-семантические варианты возникают на основе уже существующих значений, то есть имеют с

ними семантическую связь. Например, значение глагола «стрелять» этимологически связано со значением слова «стрела». Предназначение, функция стрелы, пули, ядра и снаряда осмысливались как идентичные. Поэтому стрелять можно не только стрелами, но и пулями, ядрами, снарядами. После первой ступени абстрагирования от конкретного предмета «стрела», появляются другие значения, метафорически связанные со звуком «мотор стреляет, дрова стреляют», с резкой болью «в ушах стреляет, в пояснице стреляет», и наконец, с кокетливым настроением «стрелять глазами». Аналогичная семантическая зависимость прослеживается с лексико-семантическими вариантами прилагательного *cool*. Ряд значений связан с температурным режимом – “neither warm nor very cold”: *a cool autumn day, a cool summer dress, a cool breeze*. Впоследствии произошло расширение значения прилагательного, и оно стало обозначать «рациональность» - *a cool head*, «отсутствие радушия» - *a cool welcome*.

Изменение эмоциональной окраски слова, по мнению В.А.Звегинцева, не имеет с этими процессами ничего общего [Звегинцев, 1957:166-167]. Исследуя «улучшение» значения слова *nice* «хороший, славный, милый и т.д.» (см. этимологию слова *nice* - late 13c., "foolish, stupid, senseless," from O.Fr. *nice* "silly, foolish," from L. *nescius* "ignorant) и «ухудшение» значения слова *cunning* «хитрый, коварный» (см.: *cunning* - early 14c., "learned, skillful," prp. of *cunnen* "to know"), он показывает, как контекстные употребления постепенно снижали значение одного и облагораживали, то есть, изменяли значение другого. Всё расширяющееся поле контекстных употреблений этих слов, в конце концов, привело к тому, что *cunning*, с приобретённой отрицательной окраской и *nice* с положительной, перестали употребляться в привычных для них контекстах. Семантическая эволюция, которая осуществлялась под воздействием внешних факторов, завершилась на нынешнем этапе. Иными словами, эволюция отрицательной и положительной эмоциональной окраски этих слов есть не результат изменения их семантических структур, а результат воздействия на них соответствующих контекстных употреблений, что является

дополнительным аргументом против тезиса о зависимости эмоциональных элементов от предметно-логического содержания слова [Звегинцев, 1957:184].

Д.Н.Шмелёв, в принципе разделяя позицию В.А.Звегинцева, всё же настаивает на том, что предметно-логический и экспрессивно-эмоциональный элементы языка, сосуществуя и пересекаясь, не могут не влиять друг на друга [Шмелёв, 1979:251].

Следует признать, что воздействие контекстного окружения на семантику слова нельзя рассматривать как однонаправленное. Само значение, приобретая частицы семантики дистрибуции и накапливая их в своей семантической структуре, начинает подходить к ней избирательно, отдавая всё больше предпочтений «облагороженной» или «ухудшенной». Если в начале этих эволюционных процессов инициатива принадлежит дистрибуции, то на завершающем этапе она переходит к смысловой стороне слова.

В.И.Шаховский, напротив, настаивает на том, что эмотивность является не только функцией языкового знака, но, прежде всего составной частью семантической структуры слова, зависящей от его предметно-логического значения. В обоснование своей позиции он приводит аргументы следующего порядка.

1. Два слова, имеющие одно и то же предметно-логическое содержание, различаются по наличию в одном из них эмотивного компонента (*obstinate* /*ass* «упрямый, строптивый /осел», *poet* /*rhymester* «поэт / рифмоплет», *woman* /*skirt* «женщина / юбка, бабёнка», etc.).

2. Эмотивное значение способно эволюционировать независимо от предметно-логического значения слова.

3. Эмотивное значение одинаково осознается как адресантом, так и адресатом.

4. Эмотивное значение вычленяется методом диагностирующей трансформации при замене слов-эмотивов словами с тем же значением, но с нулевой эмотивностью.

5. Эмотивные значения слова быстрее распознаются, чем предметно-логические [Шаховский, 1987:63-64].

Действительно, эмоция часто воспринимается слушающим (читающим) быстрее, чем рациональное значение. Более того, человек не всегда адекватно или в полном объеме интерпретирует предметно-логическое содержание слова, и в то же время четко идентифицирует его эмоциональную окраску. Но, думается, что этот аргумент не вполне валиден в дискуссии о зависимости эмотивного от рационального в семантической структуре слова.

Четвертый аргумент можно и следует объединить с первым, коль скоро в них речь идет о корреляции лексем рациональных и эмотивных. Бесспорно, противопоставляя такие лексемы, нельзя не заметить, что одна из них будет эмотивной. Но ведь вопрос заключается в другом. Если сема эмотивности, или эмосема, является компонентом семантической структуры слова, то надо еще доказать, что ее наличие в слове обусловлено, мотивировано его предметно-логическим содержанием, как на этом настаивают противники включения эмотивного компонента в семантику слова. Например, два значения слова *filth* «грязь», а именно “extreme physical or moral uncleanliness” и “vulgarity or obscenity” обладают более или менее устойчивой эмоциональной окраской, которая не только ассоциативно, но и семантически связана со значением лексико-семантического варианта этого же слова “foul or disgusting dirt”. Понятие нравственной грязи как бы произрастает из понятия грязи как физической субстанции. Но атрибутировать слово *filth* со всеми его лексико-семантическими вариантами к эмотивным не представляется возможным, поскольку его эмотивность не покрывает всей семантической структуры слова. Каким образом в стилистически маркированном синониме «*rhymester*» надстраивается отрицательная эмоциональная окраска на его предметно-логическое содержание «*поэт*» остается невыясненным. Вполне возможно, что связь эта не ингерентная, свойственная семантике слова *rhymester*, а индуктивная, наведенная противопоставлением слову *poet*.

Что касается второго аргумента, то влияние эмотивных компонентов на семантическую структуру слова не вызывает разногласий ни у одной из оппонировающих сторон. Кардинальные разногласия, как мы уже отмечали, проявляются в оценке этого влияния. Слово *imp* «шалун, пострелёнок», отмечает В.И.Шаховский, имело положительную эмоциональную окраску и употреблялось как ласкательное обращение к ребенку и взрослым. В современном английском языке оно содержит эмоцию неодобрения «*mischievous child*» = «озорник» [Шаховский, 1968:63]. Нетрудно понять, что свою уничижительную окраску слово приобрело в результате использования в определенных контекстах, которые постепенно привели его к эмотивной деградации. Однако мы и здесь не наблюдаем связи между предметно-логическим значением слова и его эмотивностью. Напротив, изменение эмотивности было обеспечено дистрибуцией, контекстным употреблением, но никак не семантикой самого слова.

В.И.Шаховский в этом случае ссылается на авторитетное мнение Э.С.Азнауровой [Азнаурова, 1974], признающей эмотивные элементы компонентом семантической структуры слова, но обсуждаемый вопрос по-прежнему остается спорным. С точки зрения [Miller, 1963; Гальперин, 1974; Buysens, 1970; Шендельс, 1970; Новиков, 1982 и др.] коннотация (эмотивные оттенки) является дополнительным содержанием слова.

1.2. Категоризация эмоций в языке

Категоризация эмоций в языке осуществляется в три этапа: в семантической структуре слова, в лексическом корпусе языка, в лексико-семантическом поле эмотивов [Шаховский, 1987, 1994, 2009]. Согласно общему положению семантической теории, все значимые слова состоят из набора сем, составляющих ядро значения и его периферию. По аналогии со структурой предметно-логического значения можно установить структуру эмотивного значения.

Исходя из семантики слова, В.И.Шаховский выделяет три семантических статуса эмотивности: облигаторный, коннотативный и потенциальный. Облигаторная эмотивная семантика составляет единственное значение слова и свойственна только аффективам (междометия, бранные слова, вульгаризмы, эмоционально-оценочные наречия и прилагательные, адресативы). Аффективы не называют, а выражают эмоции. Эмотивы в коннотативном статусе или коннотативы отличаются от собственно эмотивов тем, что они состоят из двух значений – предметно-логического и эмотивного, указывающего на эмоциональное отношение говорящего к объекту. Коннотативы почти всегда коррелируют со словами с нулевой эмотивностью: *автомобиль – колымага (car – rattletrap/ машина - арба), мужчина – чувак (man – dude/ киши - чувак)* и др. [Шаховский, 2009:51-52]. Под эмотивами в потенциальном статусе в адгерентной и ингерентной разновидностях понимаются любые слова, которые в «парадигматике не маркированы эмотивностью», но приобретают её в контексте [Шаховский, 1987:166-169].

В категоризации эмоций на уровне семантической структуры слова несколько обстоятельств привлекают к себе внимание. Первое связано с квалификацией облигаторного эмотивного значения как денотата аффективов. Она вызывает некоторые сомнения. Многие исследователи считают, что у аффективов нет понятийной основы [Ogden, Richards, 1989; Смирницкий, 1955 и др.]. Надо полагать, что под понятийной основой они подразумевали предметно-логическое содержание. В междометиях (далеко не во всех) можно заметить признаки слова – тенденцию к субстантивации, вербализации, адвербиализации. Можно согласиться и с тем, что практически любое междометие подвергается семантизации, объяснению, интерпретации и пониманию. Но их понятийная основа не равнозначна понятийной основе таких слов, как *table* «стол», *house* «дом» и др. из-за своей расплывчатости и максимальной сжатости.

Адресативы, эмоционально-оценочные наречия и прилагательные помимо эмоций могут выражать оценку. Следовательно, в их семантической

структуре присутствуют не только эмосемы, но и семы оценки, а это значит, что не все аффективы имеют гомогенную семантику.

Семантическая структура коннотативов, коннотативных эмотивов, по нашему мнению, несколько отличается от той, которая представлена в теории иерархии компонентов лексической семантики слова (далее: ЛСС) В.И. Шаховского. Она не двухкомпонентна. Помимо предметно-логического значения и эмосемы (вхождение которой в семантику слова пока ещё сомнительно) в ЛСС представлена сема оценки и стилистический компонент. Сема оценки превалирует над эмосемой в парадигматике и может уходить на второй план или полностью перекрываться эмосемой в синтагматике в зависимости от коммуникативного контекста и интенцией говорящего. Слово *fighting-cock* «войка» и ему подобные, в парадигматике дают, прежде всего, отрицательную оценку объекту, в нашем случае – военному служащему. Эмоция здесь имплицитна, ингерентно-потенциальна, так как любая оценка соприкасается с эмоцией. В синтагматике оценка может сохраниться доминантной, вершинной «*He is a fighting-cock*» и перекрываться эмосемой «*Fighting-cock!*». ЛСС, по справедливому замечанию В.И.Шаховского, представляет собой не ригидную, застывшую, а подвижную структуру, в которой актуализация компонентов зависит от многих факторов в коммуникации.

Категоризация эмоций на уровне лексического фонда языка имеет свои особенности. Здесь слова группируются по признакам «обозначение эмоций», «выражение эмоций» и «описание эмоций». Слова, обозначающие эмоции, не имеют эмосем, являются одноплановыми, однокомпонентными [Телия, 1981]. Их денотативное содержание составляют имена эмоций: *shame* «стыд», *love* «любовь», *malice* «злость», *despair* «отчаяние», *joy* «радость», *etc.* Эта группа слов не эмотивна, в крайнем случае, их можно отнести к чрезвычайно слабым средствам выражения эмоций в парадигматике [Stevenson, 1948].

Слова, выражающие эмоции, эмоциональное состояние человека, принадлежат к эмотивам (собственно эмотивы и коннотативы). Слова,

описывающие эмоции (имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия), представляют собой, по сути, те же лексемы, которые обозначают эмоции. Их описательный характер актуализируется в текстах, описывающих эмоции. Они так же, как и термины обозначения эмоций, не относятся к эмотивам [Шаховский, 1987:98].

В свою очередь эмотивы образуют лексико-семантическое поле эмотивов, которое входит составной частью в функционально-семантическое поле эмоций. Функционально-семантическое поле эмоций – многокомпонентная структура, состоящая из разноуровневых языковых средств (фонологических, морфологических, лексических, фразеологических, синтаксических), объединенных общей функцией – выражение эмоций в языке.

Следует отметить, что в настоящее время в некоторых диссертационных исследованиях наметилась тенденция к расширенному толкованию термина «эмотивность» [Кайтмазова, 2005; Антонова, 2009; Крылов, 2010]. Номинация эмоций, как и их дескрипция, составляют объект исследования эмотиологии, но средства номинации и дескрипции, всё же, не следовало бы относить к эмотивным, так как это разрушает ещё достаточно хрупкую системность в исследовании эмоций в языке

1.3. Классификация оценок

Оценка является одной из модальностей, представляющих несомненный интерес не только для лингвистики, но и для логики. Поэтому определение её места и статуса в системе модальностей имеет для нашего исследования принципиальное значение.

В философии оценка интерпретируется как аксиологическое отношение индивида «ко всему многообразию предметных воплощений деятельности человека и возможностям их познавательного и практического освоения» [Современный философский словарь, 2004:502].

В логике оценочными высказываниями называются те, которые дают абсолютную или сравнительную оценку какого-либо события, объекта,

действия [Ивин, 2003:70]. Оценочные высказывания являются составной частью комплекса модальных высказываний: логических, физических, эпистемических, нормативных или деонтических. Понятие модальности всегда связано с оценкой независимо от типа перечисленных модальностей. Но каждый тип модальности характеризует объекты с точки зрения определенной системы ценностей. Логические модальные понятия характеризуют модальные высказывания с логической точки зрения, физические – с онтологической или сущностной, эпистемические или теоретико-познавательные – с точки зрения доказуемости и убеждений, нормативные или деонтические – с точки зрения норм поведения, оценочные – с точки зрения хорошо/плохо. Модальные оценки, или лучше сказать, модальные характеристики высказываний реализуются при помощи таких понятий, как: «необходимо», «возможно», «запрещено», «рекомендовано», «доказуемо», «обязательно», «сомнительно», «невозможно», «хорошо», «плохо» и др.

Очевидно, что понятие модальности, включающее в себя различные модальные характеристики, как и дефиниция модального высказывания в логике значительно превышает понятийный объем оценочности и оценочных высказываний.

Понятие «модальная оценка» в той же степени объемнее понятия «оценочная модальность» как и понятие «модальность» по отношению к понятию «оценочность». Оценочная модальность, будучи одной из разновидностей модальности, характеризует события, объекты, действия при помощи оценочных модальных понятий «хорошо», «лучше», «безразлично», «равноценно», «плохо», «хуже», то есть исключительно по аксиологической оси хорошо/плохо.

Наиболее близкими по содержанию оценочным модальным понятиям являются нормативные модальные понятия, формирующие нормативные высказывания для установления соответствующих норм поведения в обществе. Область норм – гетерогенна и достаточно обширна. Это могут быть всевозможные правила (игр, ритуалов, грамматики и т.д.), предписания

(законы, административные акты и др.), обычаи, моральные принципы, правила идеала (каким следует быть) и т.д. Но все модальные высказывания нормативного характера, запрещающие, рекомендуемые, предписывающие, повелевающие объединяет то, что все они имплицитно выражают оценку хорошо/плохо, закрепленную на уровне социального сознания.

Категория оценки исследуется не только в логике и философии. Она является объектом изучения в психологии, этике, эстетике, юриспруденции, истории, культурологии, лингвистике и других сферах человеческого познания, что объясняет некоторую разноречивость в теоретическом осмыслении онтологии оценки.

Общепринятым считается факт примата эмоции над оценкой. Характер внешнего воздействия детерминирует выбор ответной реакции, которая всегда альтернативна, приобретает либо положительную, либо отрицательную чувственную окраску. В свою очередь, чувственность переходит в эмоциональное представление, которое определяет характер поведенческого акта. Эту первичную эмотивную систему корректирует вторичная, социокультурная, в основу которой заложено социальное воздействие. Признание или осуждение социумом выбора реакции способствует осознанию значимости тех социальных чувств, которые ожидает социум и побуждает человека к социально ориентированным действиям. Интеграция социальных и природных воздействий запускает механизм оценочного отношения к действительности [Современный философский словарь, 2004:503]. Оценка не может быть представлена без эмоции. Это взаимообусловленные сущности. Но её нельзя сводить к эмоции.

Оценки делятся на абсолютные, осуществляемые безотносительно к другим объектам, и относительные – в сравнении с другими объектами. Первая попытка создания теории абсолютных оценок была предпринята немецким философом [Гуссерль, 2000] и окончательно сформулирована [Ивин, 2003; Wessel, 1984; Kalinowski, 1972].

Согласно принципу аксиологической полноты любой объект является либо хорошим, либо безразличным, либо плохим при условии, что множество вещей, о которых социум имеет ценностные представления, совпадает со всем множеством вещей, а принцип аксиологической непротиворечивости гласит, что противоречащие друг другу состояния не могут быть одновременно хорошими или плохими [Горский, Ивин, Никифоров, 1991:140].

Оценочные высказывания определяют абсолютную или относительную ценность какой-либо реалии. Оценочное отношение мысли к действительности может выражаться с помощью оценочных понятий: хорошо/плохо, красивый/уродливый, порядочный/непорядочный и др., включенных в высказывании. К ним также следует отнести высказывания с подразумеваемой оценкой. Это всякого рода стандарты, образцы, конвенции, советы, пожелания.

Понятие оценочного высказывания можно эксплицировать, противопоставляя его высказыванию дескриптивному. Но грань между описательной и эвалюативной функциями языка крайне неустойчивая. Только контекст употребления выражения позволяет определить его дескриптивный или оценочный характер [Ивин, 2003:72], то есть высказывание любой грамматической формы способно выражать оценку в соответствующем контексте [Горский, Ивин, Никифоров, 1991:141].

Структурно оценка состоит из следующих компонентов: субъект оценки (лицо или группа лиц), атрибутирующий ценность некоторому объекту, сам предмет оценки, характер оценки и основание оценки, то есть, с точки зрения, какой системы ценностей осуществляется оценка [Горский, Ивин, Никифоров, 1991: 9]. Однако это не означает, что все компоненты оценки должны обязательно присутствовать в языковом оформлении мысли. Фразеологический оборот «сдержать слово» дает положительную оценку поступку, а фразеологизм «нарушить слово» - отрицательную, так как противоречит норме, принятой в социуме. Но в них нет эксплицитного субъекта оценки, как и самого оценочного слова.

Частеречной классификации оценок, в основе которой заложен формально-семантический принцип, так как части речи дифференцируются не только по форме, но и по содержанию, противопоставляется классификация семантическая.

В лингвистике, как и в логике, различают абсолютные и относительные оценки [Шумейко, 1999]. Относительная, сравнительная, оценка предусматривает наличие другого объекта, относительно которого дается оценка исходного объекта [Арутюнова, 1983]. Он может быть лучше/хуже, предпочтительным/менее предпочтительным, более приятным/менее приятным и т.д. Абсолютная оценка не предполагает наличие объекта, с которым сопоставляется оцениваемый объект (*плохой вечер, хороший знакомый/ bad evening, good acquaintance*). Деление оценок на абсолютные и относительные основано на отсутствии/наличии сравнения.

Противоположение рациональных и эмоциональных, эмотивных оценок оправдано семантикой и контекстом оценочного языкового знака. Превалирование в структуре семантики оценочного знака предметно-понятийного содержания свидетельствует о его рациональном характере. Присутствие в семантике оценки, помимо предметно-понятийного содержания, эмотивных сем, передающих эмоциональное отношение говорящего к предмету оценки, служит основанием отнесения её к разряду эмотивных. Оценки с эмотивной коннотацией различаются между собой степенью экспрессии и по принадлежности к функциональным стилям языка [Шаховский, 2009; Глушакова, 2003; Ковалевская, 2008; Заграевская, 2006; Трофимова, 1966].

Оценки эстетические, связанные с понятием прекрасного в искусстве и жизни, этические, отражающие нормы поведения, мораль социумов, социальных, корпоративных или профессиональных групп, нравственные, квалифицирующие духовные и душевные качества человека, его идеалы добра, справедливости, чести, достоинства и т.д. относят к сублимированным [Вольф, 1985], как бы прошедшим стадию переключения аффективных влечений на цели социальной деятельности или творчества.

Сенсорные или физиологические оценки, основанные на вкусовых, слуховых, зрительных, обонятельных и осязательных ощущениях, противопоставляются психическим, связанным с душевными переживаниями, ощущениями, эмоциями [Кара-Мурза, 2003]. Кроме вышеперечисленных выделяют рационалистические оценки, отражающие систему философских взглядов на мир, в которой разум признается единственным источником познания; телеологические или детерминистические, предполагающие, что в мире всё предопределено богом или природной целью; гедонистические, утверждающие получение наслаждений и удовольствий высшей целью и основным мотивом поведения человека. Гедонистические оценки имеют своим объектом «приятные действия, то, чему человек предается для собственного удовольствия или удовлетворения своих жизненных потребностей» [Вольф, 1982:325]. По своему содержанию они соответствуют сенсорным, но при определенных условиях могут трансформироваться в утилитарные. «Когда глагол, - считает Н.Д.Арутюнова, - выдвигающий гедонистический критерий, употреблен не в первом лице и безотносительно к позиции субъекта действия, оценка утрачивает гедонистические основания» [Арутюнова, 1985:17]. Иными словами предложение «*Я хорошо поел*» равносильно в своей оценке предложению «*Я наслаждался едой*» (гедонистическая оценка и одновременно сенсорная, основанная на вкусовых рецепторах). А предложение «*Ребёнок хорошо поел*» не сообщает ни вкусовых качеств еды, ни удовольствия субъекта действия. Это уже утилитарная оценка.

Прагматические (целевые) оценки помимо оценочной характеристики объекта осуществляют функцию воздействия на речевое или физическое поведение реципиента [Баранов, 1969; Глушакова, 2003].

Религиозные, выражающие совокупность духовных представлений, основанных на вере в сверхъестественные силы и бога, в определенной степени противопоставляются научным, построенным на системе знаний о законах развития природы и общества и подкрепляемые аргументацией во избежание

субъективизма [Ильина, 1997; Миронова, 1991; Александрова, 1986; Воробьева, 1985; Кажарова, 2006; Иванов, 2003].

Помимо этого различают оценки эксплицитные и имплицитные, медицинские, технические, инструментальные и многие другие [Вольф, 1985].

В том, что всё это разнообразие оценок можно упорядочить, классифицировать, используя семантический принцип, вызывает некоторые сомнения. Нетрудно заметить, что многие, если не большинство, из оценок составляют оппозицию: сенсорные/психические, эмотивные/рациональные, абсолютные/относительные и т.д. В основе их различий лежит, несомненно, семантика. Другие не образуют явных оппозиций. Не ясно, например, чему можно противопоставить гедонистическую, медицинскую, техническую, инструментальную оценки. Более того, оценка может быть одновременно абсолютной, эксплицитной, эмотивной или относительной, имплицитной, эстетической и их невозможно свести в единую парадигму, так как признаки «эмотивная» и «эстетическая» - разноаспектные. В то же время любая классификация предполагает наличие двух признаков – генерализирующего, объединяющего все члены классифицирующей парадигмы, и дифференцирующего.

Разумеется, все оценки различаются по центральному аксиологическому компоненту «хорошо/плохо». Любая из оценок проецируется на этот центр: имплицитная позитивная/имплицитная негативная, этическая позитивная/этическая негативная и т.д. Данная антитеза свойственна всем типам оценок, но она не валидна при сопоставлении, например, эстетической и имплицитной оценок. Невозможно однозначно утверждать, что эстетическая оценка – только хорошо, а имплицитная – только плохо или наоборот. И та и другая могут быть либо хорошей, либо плохой в зависимости от позиции субъекта оценки. Построение непротиворечивой семантической классификации всех типов оценок представляется нереальной, в крайнем случае, трудно разрешимой задачей. Нам представляется более логичной классификация оценки, учитывающая только два критерия: точку зрения, с которой

оценивается объект, и проекцию этой точки зрения на аксиологическую ось оценки.

Глава II. Номинативные поля эмоций и оценок с зооморфными компаративами

2.1. Эмоция и оценка в семантике зооморфных компаративных и соматических ФЕ

Между словами и фразеологическими единицами могут прослеживаться параллели в плане выражения эмоции и оценки. Единственным и обязательным компонентом междометных фразеологизмов, как и междометий, является эмотивное значение (*My soul!* «Боже! Господи!» *Damn your eyes!* «Чёрт бы вас подрал!» и др.). Одна и та же междометная идиома может выражать, в зависимости от контекста, различные эмоции: *sakes alive!* «Ради бога!» – удивление или досаду; *by George!* «Ей - Богу! Честное слово!» – удивление, досаду, восхищение, гнев и т.п. Фразеологические единицы реализуют такие же типы оценок, как и слова: объективно-субъективные, субъективно-объективные, субъективные, эксплицитные и имплицитные. Они могут быть безобразными, образными, экспрессивными. Часто образность, экспрессивность, эмотивность и оценочность тесно переплетаются между собой.

Эмотивность всегда оценочна, в то время как оценка может быть рациональной, интеллектуальной, то есть составлять предметно-логическую основу фразеологизма: *come unscathed out of the battle* «выйти сухим из воды», *swim like a cork (fish)* «плавать как пробка (рыба)», *put the cart before the horse* «начинать не с того конца = поставить телегу впереди лошади» и др. Они образны и могут реализовать эмоциональное отношение человека к чему-либо, но основа их семантики – оценка. Исследования фразеологизмов показывают, что численность ФЕ с интеллектуальной оценкой превышает численность ФЕ с коннотативной [Кунин, 1996; Артёмова, 2009]. Кроме того, коннотативный аспект оценочной семантики ФЕ связан с рациональным значением, в какой-то степени зависит от него. Например, предметно-логическое содержание ФЕ *kick the bucket* осмысливается как «умереть», которое само по себе является безоценочным, констатирующим. Коннотативная оценка, отношение к тому,

кто умер, реализуется в грубо-неуважительной форме номинации факта смерти. Образ, создающийся семантикой компонентов *to kick* «толкать ударять ногой» и *the bucket* «ведро», связан со смертью, предположительно, со способом самоубийства через повешение, когда самоубийца выталкивает ведро из-под своих ног. Вероятно, образ самоубийства наделил это выражение отрицательной оценкой, так как оно всегда осуждалось и церковью, и социумом. Впоследствии к отрицательной оценке присоединился другой компонент коннотации – стилистический. Предметно-логическое содержание фразеологизма *a snake in the grass* – «тайный враг» = «змея подколотная». Его отрицательная оценка также связана с дескрипцией тайного врага, который сравнивается со змеей, чей образ преимущественно негативен, вызывает инстинктивный страх, отторжение. Это пресмыкающееся тем более опасно, если оно невидимо “*in the grass*” «в траве».

Отмечая эту особенность фразеологических единиц, наличие оценки в качестве предметно-логического содержания и тесную связь оценки как коннотации с рациональной основой фразеологизма, некоторые исследователи полагают, что они «создаются и употребляются не с целью описания, не с целью вычленения действительности, а с целью ввести представление о ценности обозначаемого [Артёмова, 2009:81; Телия, 1996]. Это не отрицание других важнейших функций ФЕ: номинативной, коммуникативной, когнитивной, волюнтативной (*wish smb. well* «желать кому-либо добра»), дейктической (*at second hand* «из вторых рук, по чьим-то словам»), результативной (*come a cropper* «потерпеть неудачу, провалиться»), стилистической, прагматической и т.д., а намеренно акцентированное внимание на их ярко выраженном оценочном характере. Но сколь бы ярко не был выражен этот аспект ФЕ, он не отменяет других функций [Кунин, 1996:187].

Привлечение ФЕ, в частности, соматических и зооморфных компаративов в качестве анализируемого материала продиктовано следующими обстоятельствами: им свойственна высокая степень оценочности [Артёмова, 2009]; они обладают широким спектром номинации и выражения эмоций

[Шаховский, 2009], принадлежат к наиболее древним пластам языка [Вакк, 1964] и характеризуются высокой словообразовательной активностью [Соколова, 1987]. Известно, что соматические лексемы *голова, туловище, верхние конечности, нижние конечности* обладают самой высокой фразообразовательной активностью. Активность слов, обозначающих другие части тела, варьируется от языка к языку. Иногда возможны даже случаи фразеологических лакун. Причины такой асимметрии остаются пока невыясненными, но, очевидно, что она представляет несомненный интерес для лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации, так как явно указывает на социокультурное своеобразие этносов.

Фразообразовательная активность соматизмов является, по-видимому, тем маркером, который оказывает влияние на выбор исследователя. Из всего многообразия соматических фразеологизмов предпочтение отдается тем, которые составляют наиболее многочисленную группу. Нетрудно догадаться, что в их структуру входят слова, обозначающие такие части тела, как *голова, рука, плечо, нога, глаз, сердце*. Другие, составляющие периферию фразеосемантического поля соматизмов, как правило, игнорируются из чисто утилитарных соображений: они мало употребимы, менее многочисленны и не могут дать адекватного представления о структурно-семантическом устройстве этого поля. Ядерные и околядерные фразеологизмы, напротив, самодостаточны для его определения.

Критический обзор публикаций по соматическим фразеологизмам (СФ) показывает, что исследователей интересуют вопросы стилистики и лексикографии СФ [Арсентьева, 1989], соотношения слова, как самостоятельной единицы и компонента СФ [Кириллова, 1975], экспрессивности [Мартынова, 1990; Молостова, 2000], сфер номинации [Бахвалова, 1993; Городецкая, 2007]. Особое внимание в последнее время уделяется структурно-семантическим сходствам и различиям СФ в национальных вариантах [Чумичёва, 2010] и разносистемных языках [Сакаева, 2009], специфике культурно-национальных смыслов [Богус, 2006; Букулова,

2006; Селезнёва, 2006; Сайфи, 2008; Щирова, 2005; Ибрагимова, 1993; Хоссейн, 1994 и др.].

По понятным причинам наше особое внимание привлекла диссертация [Лайпанова, 2007], посвящённая сопоставительному анализу СФ с компонентами *рука, глаз, голова, нога, сердце, нос, ухо, лицо*, т.е. семантически ориентированных на человека, в карачаево-балкарском и русском языках. Однако в ней автор ставит акцент на выявление структурно-семантических сходств и различий СФ. В структурном аспекте она выделяет глагольные, субстантивные, адвербиальные и адъективные СФ в сопоставляемых языках, а в семантическом – исследует сферы номинации (чувства, умственные способности человека, физическое состояние, возраст, внешний вид и т.д.). В конечном итоге наибольшие семантические различия, по её мнению, проявляются в наличии фразеологических лакун в одном из языков и в частичном несовпадении образов.

Разумеется, во многих из перечисленных работ в той или иной степени затрагивается эмотивный аспект СФ. Но он всегда представлен как часть комплекса задач исследования наряду с другими, поставленных для достижения конкретных целей. Номинативные возможности СФ собственно эмоций и оценок, а тем более их корреляция не были объектом специального изучения.

В своём исследовании мы старались привлечь к анализу как можно большее количество соматических фразеологизмов, независимо от того, являются ли они конститuentами ядра, околядерной зоны или периферии поля. Важно было выявить любые, даже редко употребляемые СФ, обозначающие эмоции, оценку, так как основной своей задачей считаем показать зависимость количественную и качественную между вербализованной парадигмой эмоций и оценок на фразеологическом уровне внутри языка и сопоставить эти зависимости на межъязыковом уровне.

Адъективные компаративные фразеологические единицы (АКФЕ) занимают особое место во фразеологической системе языка. Во многих

академических изданиях по фразеологии можно найти сведения об их компонентной структуре, семантике и функциям [Кунин, 1996; Амосова, 1963; Назарян, 1987; Огольцев, 1978; Чернышёва, 1964 и др.]. В диссертационных исследованиях и статьях более детально анализируются категории интенсивности [Убин, 1974], экспрессивности и эмоциональной оценки [Берлизон, 1971; 1973], стилистический аспект [Мезенин, 2002], структурно-семантические сходства и различия в языках [Мугидова, 2005; Ротт, 1967], актуализация национально-культурных особенностей АКФЕ [Моххамад, 1994; Ройзензон, 1967; Холманских, 2000].

Особое место компаративным фразеологическим единицам в системе фразеологизмов обеспечивается, по нашему мнению, тем, что они в парадигматике выражают интеллектуальные, а в дискурсе – эмотивные оценки. В этой связи весьма интересной представляется работа [Каменская, 2008], в которой анализируются аксиологические возможности зооморфных компаративов в испанской лингвокультуре. Здесь автор не только выявил наиболее порицаемые и поощряемые испанским обществом характеристики человека (трудолюбие, мудрость, активность, лень, глупость, пассивность и т.д.), но и отметил, что отрицательная оценка превышает положительную в пятнадцать раз, что встречается достаточно редко. Так, например [Городецкая, 2007], при анализе соматических фразеологизмов, дающих оценку человека в русском и французском языках, отметила соотношение положительных и отрицательных качеств только его характера, не дифференцировав физическое состояние, чувства, умственную деятельность, действия и поступки и т.д. По её наблюдениям положительная оценка характера в русском и французском языках значительно превышает отрицательную, причём во французском языке – почти в два раза. Но общее соотношение оценок – не в пользу положительных.

Это свидетельствует о том, что категория оценки нуждается в дополнительных целенаправленных и системных исследованиях на всех языковых уровнях и по всем сферах номинации для того, чтобы адекватно

оценить её природу и понять иерархию факторов, детерминирующих соотношение положительных и отрицательных оценок в языке.

Преобладание фразеологизмов с отрицательной оценочностью отмечают многие лингвисты. Одни склонны объяснять это явление психологическими факторами. Положительное, якобы, воспринимается как нечто само собой разумеющееся, стандартное, не привлекающее особого внимания, а отрицательное – как отклонение от привычного. Поэтому след от негативного восприятия просматривается в языке более отчетливо [Девкин, 1979:160]. Другие связывают этот феномен с особенностями социокультурного развития [Артёмова, 2000].

Мы полагаем, что доминирование негативной оценочности в языке, помимо названных причин, может объясняться внутриязыковыми факторами, к которым относится, в частности, система номинации эмоций.

2.2. Номинативные поля эмоций с зооморфными компаративными фразеологическими единицами

Компаративные фразеологизмы, по сравнению с соматическими, обладают большими возможностями выражать эмоции, то есть переходить в разряд эмотивных языковых средств. В основе этих возможностей лежит оценка. Практически любая ЗКФЕ может выразить в дискурсе как положительные, так и отрицательные эмоции. Актуализация в речи, например, ЗКФЕ “*as sly as a fox*” может свидетельствовать о сожалении, раздражении, огорчении говорящего в зависимости от контекста ситуации, а актуализация ЗКФЕ “*as brave as a lion*” – о восхищении тем, кому адресована эта оценка.

Номинация эмоций зооформными компаративными фразеологическими единицами, напротив, не столь продуктивна, как у фразеологических единиц с соматическими компонентами. Чаще они выражают отрицательное эмоциональное состояние:

- злость, свирепость: *as angry as a wasp; as angry as a hornet; as venomous as a snake; as fierce as the wolves; as spiteful as a monkey; as fierce as a tiger; as fierce as a bull; as savage as a bear;*

- пугливость, нервозность, беспокойство: *as cowardly as the wild duck; as alert as a bird; as nervous as a cat; as troublesome as a monkey; as nervous as a mouse;*
- мрачность, угрюмость, удрученность: *as glum as the oyster; as dejected as the wet hen; as sulky as a bear;*
- ревнивость: *as jealous as a cat.*

Номинация положительных чувств представлена ещё реже. В этом секторе поля фразеологические единицы выражают:

- радость, счастье: *as joyful (glad) as a fly; as merry (cheerful, gay) as a bright lark; as happy as a clam; as happy as a lark;*
- игривость: *as playful as a rabbit; as playful as a kitten.*

Очевидно, что эмоциональными доминантами сектора положительных эмоций являются ощущения счастья, радости, а сектор отрицательных эмоций – чувство злости, нервозности, страха. Соотношение положительных и отрицательных эмоциональных состояний составляет почти три к одному (6ФЕ+ / 17 ФЕ -).

Номинация эмоций зооморфными компаративами в карачаево-балкарском языке представлена ещё реже, чем в английском, и относится к отрицательному сектору поля. Фразеологические единицы обозначают:

- злость: *къабан кибик-огъурсуз* «злобный, как кабан», *акъырап кибик-огъурсуз* «злобный как скорпион», *уу жилиян кибик-огъурсуз* «злобная как ядовитая змея», *къфрт-чыгъа кибик-огъурсуз* «злой как ястреб», *сюлесин кибик-огъурсуз* «злая как рысь»;
- обидчивость: *гогуш кибик-терк ёпкелеучю* «обидчивый как индюк»;
- вспыльчивость: *бугъа кибик-огъурсуз* «вспыльчивый как бык».

Эмоциональной доминантой этого сектора поля, как и в английском языке, является чувство злости.

2.3. Номинативные поля оценок с зооморфными компаративными фразеологическими единицами

Зооморфные компаративы представляют когнитивные языковые структуры, корни которых уходят в далекое прошлое, в мифологическое мышление человека. На начальном этапе осмысления мира и своего места в нем, он полностью растворяется в природе, не отделяя себя от животного мира, связывая с ним свое происхождение.

В итальянской мифологии волк, дятел и олень предстают как прародители отдельных племен: луканы – от *lukos* «волк», пицены – от *picus* «дятел». В греческой мифологии даже представители божественного Олимпа имеют животное происхождение: у Афины Паллады – совиные глаза, у Геры – коровьи. В карачаево-балкарском языке сохранились следы тотемизма в именах собственных: *Къаплан* «барс», *Аслан* «лев», *Балькъыз* «русалка».

Современное зооморфное мышление отличается от мифологического тем, что человек не отождествляет себя с животным миром, а посредством сопоставления с ним дает оценку характеру, чувствам, поступкам и т.д. Предваряя сопоставительный анализ оценочной функции компаративных зооморфов в английской и карачаево-балкарской лингвокультурах, отметим некоторые расхождения в количественном, структурном и социолингвистическом аспектах.

Разумеется, в количественном отношении английские компаративные зооморфы значительно более многочисленны, чем карачаево-балкарские. В качестве основных причин, объясняющих это соотношение, нужно назвать следующие: интенсивность и продолжительность языковых и культурных контактов с другими этносами, темпы развития естествознания в Западной Европе и в Англии, значимость антропоцентричной составляющей в когнитивных процессах, стремление познать *homo sapiens* через образный мир животных.

Другая отличительная особенность карачаево-балкарских зооморфов, как и других компаративных конструкций, проступает в структурном

своеобразии: их компоненты следуют не слева направо, а наоборот. Например: *ийнек кибик* – *уллу, акъырын, жюрюген* – «рослая, крупная, медлительная как корова», где *ийнек* – «корова», *кибик* – «словно», «*уллу, акъырын, жюрюген*» – характеристики. Если читать слева направо получается «корова как рослая, крупная, медлительная». По этому же структурному принципу строятся компаративы с элементом «как», который присоединяется к наименованию объекта. Например: *къарча акъ* – «белый как снег», где *къар* – «снег», *ча* – «как», *акъ* – «белый». Возможно, имеет место быть влияние арабского языка.

И, наконец, карачаево-балкарские компаративные зооморфы в определенной степени отличаются социальной дифференцированностью. Например, нельзя сказать о мужчине *тауукъ бала кибик* – *къфрыусуз, ашашсыз* – «слабенький, с плохим аппетитом, как цыпленок» и, наоборот, нельзя сказать о ребенке *ат кибик* – *тири, къарыулу* – «энергичный и сильный как конь».

Оценочная функция ЗКФЕ в английском языке реализуется в нескольких номинативных микрополях: «характер», «физическое состояние», «материальное положение», «внешний вид». Самая высокая продуктивность их оценочной функции зафиксирована в номинативном микрополе «характер». Отрицательные черты характера выражены в сорока трёх ФЕ:

- прожорливость, ненасытность: *as ravenous as a winter wolf, as greedy as a wolf, as voracious as the camel;*
- подозрительность, скрытность: *as suspicious as a cat, as stealthy as a cat;*
- хитрость: *as tricky as an ape, as wily as a fox, as crafty as a fox, as cunning as a fox;*
- жадность: *as greedy as a hog;*
- привередливость, непослушание, озорство: *as mischievous as a monkey, as tricky as a monkey;*
- эгоистичность: *as selfish as a fox;*
- лживость: *as sly as a fox;*
- напыщенность, тщеславие: *as proud (vain) as a peacock;*

- тупость, глупость: *as stubborn as a mule, as mad as a gumtree full of galahs, as mad as a cut snake, as mad as a frilled lizard, as crazy as a loon, as foolish (silly) as calf, as brainless as chimpanzee;*
- упрямство: *as obstinate as a mule, as willful as a mule, as obstinate as a hog;*
- мягкотелость, бесхребетность: *as spineless as a jelly-fish;*
- покорность: *as humble as a worm;*
- медлительность: *as slow as a snail, as slow as a tortoise;*
- лень: *as lazy as a toad, as lazy as a lobster;*
- нахальство: *as cheeky as a young bantam cock;*
- болтливость: *as garrulous (talkative) as a magpie;*
- легкомыслие: *as light as a butterfly;*
- расточительность: *as wasteful as a hen;*
- суетливость: *as fussy as a hen (with one chick);*
- лстивость, вкрадчивость, изворотливость: *as supple as a snake, as subtle as a serpent, as slippery as a serpent;*
- самодовольство: *as complacent as a cat;*
- елейность: *as sleek as a mouse.*

Такая черта характера, как робость в динамичных социумах, требующих от человека напора, энергичности, предприимчивости, расценивается скорее как слабость даже по отношению к женщинам и детям. Её стараются преодолеть всеми доступными средствами для того, чтобы преуспевать, достигать поставленных целей, самоутверждаться, завоёвывать признание со стороны коллег, семьи, друзей. Поэтому фразеологические единицы *as timid as mouse, as timid as a partridge* и *as timid as a rabbit*, по нашему мнению, дают отрицательную оценку характера индивида.

Среди оценок внешнего вида встречаются такие, которые трудно вне контекста отнести к положительной или отрицательной: *as bald as the coot* «лысый как лысуха (водоплавающая птица с роговым наростом на лбу)»; *as little as a squirrel* «маленький как белка»; *as big as an elephant* «большой как

слон»; *as big as a whale* «большой как кит» и др. В данном номинативном микрополе преобладают отрицательные оценки:

- *as hairy as a mastodon, as hairy as a spider, as hairy as a gorilla* «волосатый как мастодонт (паук, горилла)»;
- *as tall as a giraffe* «длинный как жираф»;
- *as lean as Santo's ass* «худой как осёл»;
- *as lame as a duck* «хромой как утка»;
- *as glossy as a mole* «лощёный как крот»;
- *as gaudy as a peacock* «разодетый как павлин»;
- *proud as a peacock* «спесивый, важный как павлин»;
- *as smooth as a partridge, as flat as a pig* «жирный как куропатка (свинья)»;
- *as dirty as a hog, as muddy as sheep dogs* «грязный как свинья (собака)».

Три ФЕ актуализируют положительную оценку внешнего вида:

- *as graceful as a swan, as graceful as a gazelle* «грациозный как лебедь (газель)»;
- *as gaudy as a butterfly* «нарядный как бабочка».

Положительные черты характера отмечены в сорока семи ФЕ:

- резвость, ловкость, быстрота: *as frisky as a lamb, as fast as a hare, as fast (fleet, swift) as a deer, as brisk as a flea, as agile as a cat, as agile as a monkey, as swift as a hawk, as nimble as a lizard, as fleet as a gazelle, as fast as a pig*;
- нежность: *as tender as a chicken, as gentle as a turtle, as tender as a lamb*;
- дружелюбие: *as friendly as a puppy*;
- трудолюбие: *as busy as a cockroach on a hot stove, as busy as a bee, as busy as a beaver, as industrious (busy) as an ant*;
- настойчивость: *as persistent as a mosquito*;
- воинственность: *as warlike as a wolf*;
- осторожность: *as wary as a fox*;
- любопытство: *as curious as a fish*;
- храбрость: *as brave (bold) as a lion*;
- сила: *as powerful as a lion, as strong as a bull (as an ox), as strong as a horse*;

- гибкость: *as lithe as a tiger*;
- смиренность: *as meek as a mouse*;
- преданность, честность: *as devoted as a faithful dog, as faithful as a dog, as conscientious as a dog, as loyal as a dove*;
- застенчивость: *as modest as a dove*;
- кротость, смиренность: *as meek as a dove, as meek as a lamb*;
- невинность: *as harmless as a dove, as innocent as a lamb*;
- мудрость: *as wise (solemn) as an owl*;
- серьёзность: *as serious as an owl, as grave as an owl*.

Десять фразеологических единиц дают отрицательную оценку физического состояния: *as near-sighted as a mole* «близорукий как крот»; *as blind as a mole, as blind as an owl, as blind as a beetle, as blind as a bat* «слепой как крот (сова, жук, летучая мышь)»; *as tired as a dog* «уставший как собака»; *as sick as a dog* «больной как собака»; *as deaf as a beetle* «глухой как жук»; *as weak as a cat* «обессилевший как кот»; *as drunk as a fish* «пьяный как рыба». Две ФЕ дают положительную оценку физического состояния: *as fit as a flea* «здоров и бодр как блоха», *as fit as a butcher's dog* «здоров и бодр как собака мясника» ~ «совершенно здоров». Две ФЕ отрицательно характеризуют материальное положение: *as poor as a fowl, as poor as a church mouse* «беден как птица (церковная мышь)».

Сопоставление секторов положительных и отрицательных оценок анализируемых микрополей дает следующую картину их соотношения: «характер» - 43 ФЕ + / 43 ФЕ -; «физическое состояние» - 10 ФЕ + / 2 ФЕ -; «материальное положение» - 2 ФЕ + / 0 ФЕ -; «внешний вид» - 13 ФЕ + / 3 ФЕ -. Общее соотношение оценок остаётся асимметричным (48 ФЕ + / 68 ФЕ -), но обращает на себя внимание соотношение оценок микрополя «характер» - оно симметрично. Этот феномен (симметричное соотношение, приближение к симметричному соотношению) наблюдается почти во всех аналогичных микрополях, образуемых соматическими фразеологическими единицами. Поэтому его необходимо рассматривать как знаковый.

В карачаево-балкарском языке зооморфные компаративные фразеологические единицы формируют три номинативных микрополя оценки: «характер», «внешний вид», «физическое состояние».

В номинативном микрополе «характер» положительная оценка представлена в шестнадцати ФЕ, обозначающих:

- трудолюбие: *бал чибин кибик – ишчи мурку этген* «трудолюбивый, занятый делом как пчела», *пил кибик ишчи* «трудолюбивый как слон»;
- бесстрашие: *арслан кибик батыр* «бесстрашный как лев», *къаплан кибик – батыр* «отважный как барс»;
- смелость: *илячин кибик – жигит, ётгюр* «смелый как сокол»;
- запасливость: *къара къуш кибик – къыстырыкъчы* «запасливый как ворон»;
- энергичность: *илячин кибик – тири* «энергичный, подвижный как сокол», *байтал кибик – тири* «энергичная как кобыла», *ат кибик – тири* «энергичный как конь»;
- кротость: *къозу кибик – жууаш сабий* «ребёнок, кроткий как ягнёнок»;
- великодушие, гуманность: *арслан кибик – адамлыгъы болгъан* «великодушный как лев»;
- гордость: *илячин кибик-ётгюр* «гордый как сокол»;
- обворожительность: *кёгюрчюн кибик – ариу сёзлю, ариу тили* «сладкоречивая, с мягким голосом, как голубка», *сабан чыпчыкъ кибик – ариу жырлагъан* «певунья с чистым и красивым голосом, как у жаворонка», *булбул кибик – ариу ауазы болгъан, жырчы* «певец с приятным, красивым голосом, как у соловья».

Отрицательные черты характера преобладают в этом номинативном микрополе. Они выражены в двадцати шести ФЕ:

- подлость, низость: *эшек кибик – бек аман, осал* «подлый, дрянной как осёл», *тонгуз кибик – харом, асылсыз* «подлый, низменный как свинья», *ит кибик – бек аман, харам* «подлый, коварный как собака»;
- наглость: *айгъыр кибик – тыйгъысыз, уятсыз* «наглый, бесцеремонный как жеребец»;

- нахальство: *мыллычы къуш кибик – сылык* «нахальный как орёл-стервятник»;
- упрямство: *эшек кибик – асылсыз* «упрямый как осёл»;
- своенравие: *къадыр кибик – кылыкъсыз, терсакъыл* «своенравный и упрямый как бык»;
- алчность: *бёрю кибик – жут* «алчный как волк», *мыллыкчы къум кибик – жут* «алчный как орёл-стервятник», жадность: *къыртчыгъа кибик – жут* «жадный как ястреб»; *гугу кибик – кыызгъанч* «жадный как паук»;
- трусость: *къоян кибик – къоркъакъ, кёлсюз* «трусливый, робкий как заяц»;
- невоспитанность, грубость: *тууар кибик – хал билмеген* «грубый, невоспитанный как скотина», *къочхар кибик – адепсиз* «невоспитанный как баран»;
- глупость: *тууар кибик – ишлеменген* «тупой как скотина», *тауукъ кибик – ассиз, акъылсыз адам* «глупый, несообразительный как курица»;
- хитрость: *борсукъ кибик – хыйлачы* «хитрый, как барсук», *уу жилиян кибик – фитначы* «хитрая как ядовитая змея», *тюлкю кибик - хыйлачы* «хитрый, жуликоватый как лиса»;
- нелюдимость: *уку кибик – баштёбен, юйден, чыкъмагъан* «мрачный, нелюдимый как сова»;
- себялюбие: *кукук кибик – кесин суйген* «себялюбивый как кукушка»;
- хвастовство: *кукук кибик – махтанчакъ* «хвастливый как кукушка»;
- жестокость: *сюлесин кибик – кюйсюз* «жестокий как рысь»;
- занудство: *къара чибин кибик - къадалып эрикдирген* «занудный, надоедливый как муха», *мача кибик – къандалып тургъан, безитип тургъан* «надоедливый, прилипчивый как саранча»;
- болтливость: *чыкъанжик кибик - жанишакъ, къаугъачы* «болтливый и крикливый как сорока».

В номинативном микрополе «внешний вид» соотношение оценок более сбалансировано. Двенадцать ФЕ дают негативную оценку внешности:

- *таш макъа кибик – бек эриши, сыфатсыз* «уродливый, безобразный как черепаха»;
- *тюре кибик – узундийкът, жыйымсыз* «долговязый, нескладный как верблюд»;
- *борсукъ кибик – алаша, токъ* «низенький, толстый как барсук»;
- *эчки кибик - арыкъ* «худая как коза»;
- *чичхан кибик – гитче* «тщедушная, маленькая как мышь»;
- *баппуш кибик – алаша, семиз* «низкорослая, жирная как утка»;
- *ийнек кибик – уллу, акъырын жюрюген* «рослая, крупная и медлительная как корова»;
- *макъа кибик – семиз, кирли, сылыкъ* «жирный, грязный, отвратительный как лягушка»;
- *бёдене кибик – жёбелеп жюрюген, алаша бойлу* «низкорослый, с семенящей походкой, как перепёлка»;
- *мыга кибик – бек арыкъ* «худой, как коростель», *сенгирчке кибик – арыкъ* «худой как кузнечик»;
- *ийис къамыжакъ кибик – кирли адам* «грязный как навозный жук»;
- *салам алаша кибик – арыкъ* «худой как кляча».

Позитивная оценка внешнего вида выражена в восьми ФЕ:

- *алтын тауукъ кибик – субай, омакъ ариу* «стройная, нарядная, красивая как пава»;
- *къарылгъач кибик – ариу, назик* «изящная, красивая как ласточка»;
- *къанкъаз кибик – ариу, субай, суйдюмлю* «красивая, стройная, обаятельная как лебедь»;
- *алтын чабакъ кибик – ариу, субай, иничке белли* «стройная, красивая, гибкая как золотая рыбка»;
- *сурахай кибик – ариу, субай санлы, узун бойлу* «красивая, высокая, грациозная как жирафа»;
- *агъаз кибик - назик жашчыкъ* «мальчик, стройный как ласка»;

- *тюлю бала кибик – ариу, чёрчек сабай* «мальчик, красивый и гибкий как лисёнок»;
- *жур улакь кибик – тири, хыличи жаишчыкь* «живой, энергичный как косулёнок».

В номинативном микрополе «физическое состояние» наблюдается абсолютное доминирование положительных оценок. Девять ФЕ обозначают силу, мощь: *къабан кибик – къарыулу* «сильный как кабан»; *айыу кибик – къарыулу, мазаллы* «сильный, рослый как медведь»; *пил кибик – уллу санлы, къарыулу* «мощный, могучий как слон»; *байтал кибик – саулукълу* «здоровая как кобыла»; *къаплан кибик – кючлю къазауатчы* «мощный как барс», *бугъа кибик – уллу, къарыулу* «мощный, сильный как бык», *айыу бала кибик – бёкем къарыулу* «крепкий, сильный как медвежонок», *жилян кибик – гиртчи* «сильный, жилистый, упругий как змея», *ат кибик къарыулу* «сильный как конь».

Бессилие, физическая слабость выражены в трёх ФЕ: *къыттай кибик – къарыусуз* «слабый как петух», *мыга кибик – къарыусуз* «слабый как коростель», *тауукь бала кибик – къарыусуз* «слабый как цыплёнок».

Отрицательные оценки характера и внешнего вида доминируют. В оценке характера 16 ФЕ имеют положительный маркер и 26 ФЕ – отрицательный. В оценке внешнего вида в 12 ФЕ выражена отрицательная оценка и в 8 ФЕ – положительная. В микрополе «физическое состояние» доминируют положительные оценки. Из 12 ФЕ отрицательная оценка выражена только в 3 ФЕ. Доминантные оценки характера – бесстрашие, энергичность, трудолюбие/упрямство, жадность, занудство, хитрость.

Заключение

Язык представляет собой сложно организованную знаковую систему, в пределах которой разнородные элементы взаимосвязаны и взаимозависимы. Национальная специфика ключевых концептов культуры, имеющих экзистенциальную значимость для отдельной личности и всего социума: право, богатство, труд, воля, свобода, родина и др., формирующихся в сознании в процессе персонального и коллективного жизненного опыта, была осознана значительно раньше, чем этноспецифика эмоций и оценок.

Понимание того, что эмоции и оценки – это такие же таксоны культуры, как и ее ключевые концепты, приходит по мере накопления знаний в области лингвистики эмоций и лингвистики модальностей. Эмоциональная компетенция, будучи составной и неотъемлемой частью языковой компетенции развивается под воздействием социокультурных факторов и проявляет свои специфические, оригинальные, культурно обусловленные национальные черты в вербальном и авербальном поведении.

Англо-саксонская культура относится к ярким проявлениям эмоций без особого одобрения, даже с некоторым подозрением и смущением, в то время как в русской культуре эмоциональное поведение поощряется. Поэтому, в русском языке репертуар лексических и грамматических средств для их выражения более богат и разнообразен, чем в английском [Вежбицкая, 1996: 33-34]. А в карачаево-балкарской культуре, несмотря на то, что язык обладает достаточно богатыми языковыми средствами для выражения эмоций, эмоциональное поведение, особенно для мужчин, считается предосудительным. Этические и нравственные нормы играли в культуре народов Северного Кавказа особенно важную роль. Складываясь и развиваясь на протяжении столетий, они способствовали духовному самосохранению и развитию нации, регулировали поведение в обществе и семье, определяли воспитание детей, взаимоотношения с соседями. У всех народов существовали свято оберегаемые моральные кодексы, совокупности норм и традиций. Этический кодекс карачаевцев и балкарцев «Ёзден Адет» передавался из поколения в поколение,

изменялся и оттачивался, оставаясь нравственным законом, который и сегодня определяет и регулирует народную жизнь.

Обычаи и традиции у всех народов являются, по-видимому, одним из наиболее консервативных элементов культуры. Вместе с языком и стереотипом мышления они в наиболее значительной мере определяют этническое лицо человека. Можно предположить, что консервативность обычаев и традиций народов является родом защиты от быстрой утраты этничности.

В структуре мировоззрения и мировосприятия каждого народа содержатся определенные этические элементы, которые находят отражение в языке и предстают в виде этических концептов. В языке кодируются самые важные этические концепты. Несомненно, что ключевые концепты человеческого мышления отражены в грамматике языков и именно грамматическая категоризация создает концептуальную сетку, каркас для распределения всего концептуального материала, который выражен лексически. Таким образом, в грамматике отражены наиболее существенные для определенного языка этические концепты.

Этические концепты являются ментальными образованиями, этнически и культурно обусловленными. Их этническая обусловленность определяется стереотипами мышления, традициями, нравами этноса. Этические концепты включают в себя этические понятия. В их основе лежит оценка индивидом собственного поведения по отношению к другим, фрагменты мира классифицируются личностью как этические и неэтические.

Одним из ключевых фрагментов языковой картины мира являются правила наивной этики – закрепленные в языке моральные и нравственные приоритеты и нормы как отдельного человека, так и культуры в целом. Правила наивной этики подразделяются следующим образом: этикет и собственно моральные нормы, которые, в свою очередь, регламентируют собственное поведение субъекта оценки либо его поведение по отношению к другим.

В англо-саксонской культуре принято как можно чаще с похвалой отзываться о других людях, в японской же, напротив, похвала в лицо считается дурным тоном, а говорить о себе «плохо» - поощряется [Матевосян, 1999: 99].

Несоответствие оценок и эмотивных коннотаций отмечается во всех работах сопоставительного характера. Особенно ярко они представлены в компаративных зооморфах: в немецком языке зооним *Ziege* «козочка» имеет отрицательную оценочную и эмотивную коннотацию, а в русском – положительную; *слон* в русской лингвокультуре ассоциируется с неповоротливостью, неловкостью, неуклюжестью (как слон в посудной лавке), а в индийской – с грацией и изяществом; *верблюд* в арабской культуре выступает в качестве синонима красоты, а во французской – упрямства и злобности; *черепаха* в русской лингвокультуре – символ медлительности, а в китайской – неверности [Шаховский, 2009: 73].

В наших наблюдениях над оценками и эмотивными коннотациями в английском и карачаево-балкарском языках также отмечаются параллели и контрасты на межъязыковом уровне. Межъязыковые несоответствия эмотивной и оценочной функций являются результатом несовпадений оценочных регистров, даже если структура зооморфа не амбивалентна. Например, *as clumsy (rude, sulky, cross, savage, ugly) as a bear*- «неуклюжий (грубый, угрюмый, сердитый, дикий, уродливый) как медведь»; *айыу кибик – къарыулу, мазаллы* - «сильный, рослый как медведь». Оценочные компоненты *rude, sulky, cross, savage, ugly* в английском компаративном зооморфе составляют отрицательный регистр и предрасположены к передаче в дискурсе отрицательных эмоций (неудовольствие, страх). В карачаево-балкарском компаративе объективированы положительные оценки (*къарыулу, мазаллы*), которые в дискурсе могут выразить положительные эмоции (восхищение, удовлетворение).

Но для межкультурной коммуникации более проблематичны амбивалентные структуры, так как, с одной стороны, при соответствующем

выборе характеризатора, оценки выполняют положительную оценочную функцию, а с другой – отрицательную.

Межъязыковые несоответствия эмотивных и оценочных функций могут проявляться в различных модификациях:

а) отрицательная оценка (эмоция) + положительная оценка (эмоция) противопоставляются отрицательной оценке (эмоции): *as tired (conscientious, devoted, sick, hungry) as a dog* – «уставший (добросовестный, преданный, больной, голодный) как собака»/ *ит кибик – бек аман, харам* - «плохой, подлый, коварный как собака».

Характеризаторы *tired, sick, hungry* дают отрицательную оценку психофизическому состоянию. Тем не менее, в дискурсе они могут передать и сочувствие, и раздражение, а характеризаторы *conscientious, devoted* находятся в положительном регистре и передают только положительные оценки и эмоции (восхищение, одобрение). В карачаево-балкарском варианте характеризаторы отнесены к отрицательному регистру и актуализируют только отрицательную оценку и отрицательные эмоции: раздражение, неудовольствие, гнев.

б) отрицательная оценка (эмоция) + положительная оценка (эмоция) противопоставлены положительной оценке (эмоции): *as brave (bold, powerful, fierce) as a lion* – «храбрый (смелый, сильный, свирепый) как лев»/ *арслан кибик – адамлыгы болган, батыр* - «воин, бесстрашный и великодушный как лев».

Характеризаторы *brave, bold, powerful* в составе английского зооморфа относятся к положительному регистру и актуализируют положительную оценку и эмоцию (восхищение), аналогичные тем, которые присутствуют в карачаево-балкарском структурном аналоге. Но в английском языке *as fierce as a lion* выражает отрицательную оценку и отрицательную эмоцию (осуждение).

Зооморфные компаративы представляют собой частный случай идеоэтнической дифференциации оценок и эмоций. Несовпадения регистрируются также на уровне образа, заключенного в ФЕ: *someone's eyes are bigger than his belly* «иметь глаза больше, чем живот» = быть жадным; *къарын этдирсе да джау этдирмез* «покормит, но салу завязаться не даст» = быть

жадным. По своему образу карачаево-балкарский фразеологизм ближе к русскому – *у него не разговеешься*. В английском языке ФЕ *wash one's hand of smb (или smth)* обозначает безучастность, нежелание брать на себя ответственность, а в карачаево-балкарской культуре выражает эмоцию «разочароваться в чём-либо, потерять надежду, разувериться». Мотивация того значения, по мнению М.Джуртубаева, объясняется обычаем мыть руки после похорон, то есть, выражение «умыть руки» обозначает «считаю его мёртвым, несуществующим» [Джуртубаев, 2009: 80].

Безусловно, выявление кросскультурных эмоциональных, оценочных соответствий и контрастов даёт возможность для более глубокого понимания идеоэтнических стереотипов выражения эмоций и оценок, отражающих межкультурные универсалии и специфику историко-культурного опыта этноса. Но эти кросскультурные исследования эмоций и оценок будут неполными без учёта их корреляций на внутри- и межъязыковых уровнях, поскольку, как показывает фактический материал, номинация эмоций и номинация оценок взаимообусловлены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азнаурова, Э.С. Слово как объект лингвистической стилистики [Текст] /: автореф. дис. ... докт. филол. наук /Э.С.Азнаурова. – М., 1974. – 35 с.
2. Акбаев, Х.М. Къарачай-малкъар тилни фразеологиясы (Фразеология карачаево-балкарского языка) [Текст] / Х.М.Акбаев. – Карачаевск: КЧГУ, 2007. – 180 с.
3. Акопянц, А.М. Современный английский язык в контексте прагмалингводидактики. Монография [Текст] /А.М.Акопянц. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – 182 с.
4. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И.В.Арнольд. – М.: Флинт, Наука, 2009. – 384 с.
5. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря [Текст] /Е.Ф.Арсентьева. – Казань: Изд-во КГУ, 1989. – 126 с.
6. Арская, М.А. Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное/безобразное) и ее онтология в современном немецком языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04/ М.А.Арская. - Иркутск, 2002. - 185 с.
7. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш.Балли. - М.: Изд-во Ин. лит-ры, 1961. - 234с.
8. Банару, В.И. Оценка, модальность, прагматика [Текст] / В.И.Банару // Языковое общение: Единицы и регулятивы. – Калинин, 1987. – С.14-18.
9. Бахвалова, Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка [Текст] / Т.В.Бахвалова. – Орёл: ОГПИ, 1993. – 130 с.
- 10.Башиева, С.К. Вариантность в карачаево-балкарской фразеологии [Текст] / С.К.Башиева// Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. – Нальчик: КБИИФЭ, 1993. – С. 50-58.
- 11.Башиева, С.К. Некоторые проблемы фразеологической стилистики карачаево-балкарского языка [Текст] / С.К.Башиева // Проблемы семантики

- и стилистики карачаево-балкарского языка. – Нальчик: КБИИФЭ, 1987.– С.113-125.
- 12.Башиева, С.К. Стилистический компонент фразеологического значения [Текст]: автореф. дис. ... докт.филол. наук /С.К.Башиева.- Краснодар, 1996.-38 с.
- 13.Вежбицкая, А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики [Текст] / А.Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры. – 2001. – 272 с.
- 14.Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А.Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
- 15.Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В.Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
- 16.Волек, Б. Типология эмотивных знаков [Текст] /Б. Волек //Язык и эмоции. - Волгоград: Перемена, 1995. – С.15-24.
- 17.Волкова, П.С. Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста (на материале прозы Н.В.Гоголя и музыки Ю.Буцко, А.Холминова, Р.Щедрина) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол.наук: 10.02.19 / П.С.Волкова. – Волгоград, 1997. – 23 с.
- 18.Вольф, Е.М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывании [Текст] / Е.М.Вольф // Известия АН СССР. Серия литературы и языка - 1983. - № 4. – С.391-397.
- 19.Вольф, Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков хорошо/плохо [Текст]/ Е.М.Вольф// Вопросы языкознания.- 1986. - №5. – С.98-106.
- 20.Вольф, Е.М. Состояния и признаки. Оценка состояний [Текст] / Е.М.Вольф // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С.320-340.
- 21.Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М.Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

22. Воркачев, С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования [Текст] / С.Г. Воркачев. - Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2007. – 399 с.
23. Городникова, М.Д. Эмотивные явления в речевой коммуникации [Текст] / М.Д. Городникова. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Горького, 1985. – 225 с.
24. Горский, Д.П., Ивин, А.А., Никифоров, А.Л. Краткий словарь по логике [Текст] / Д.П. Горский и др. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
25. Горяева, Л.А. Семантические особенности рационалистических оценок: Универсальные и национально-культурные характеристики [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Л.А. Горяева. – Москва, 2003. – 228 с.
26. Джуртубаев, М.Ч. Ёзден адет. Этический кодекс карачаево-балкарского (аланского) народа [Текст] / М.Ч. Джуртубаев – Нальчик: республиканский полиграфкомбинат им. революции 1905 г., 2009. – 639 с.
27. Димитрова, Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.В. Димитрова. – Волгоград, 2001. – 16 с.
28. Жарашуева, З.К. Материалы по карачаево-балкарской фразеологии [Текст] / З.К. Жарашуева. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 94 с.
29. Звегинцев, В.А. Семасиология [Текст] / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 321 с.
30. Зубов, А.В. О языковых способах выражения категории оценки в современном французском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05/ А.В. Зубов. – М., 1974. – 24 с.
31. Ибрагимова, И.И. Сравнительно-сопоставительное исследование соматических фразеологизмов (на материале английского и татарского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ И.И. Ибрагимова. - Казань, 1993. - 156 с.
32. Иванов, Л.Ю. Текст научной дискуссии: Дейксис и оценка [Текст] / Л.Ю. Иванов. – М.: НИП «ГР», 2003. – 208 с.

33. Ивин, А.А. Логика [Текст] / А.А.Ивин. – М.: Изд-во «ФАИР-ПРЕСС», 2003. – 319 с.
34. Ивин, А.А. Основания логики оценок [Текст] / А.А.Ивин. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.
35. Кажарова Д.С. Событийное и оценочное пространство научного гуманитарного текста (сравнительный анализ русских и английских текстов) [Текст] : дис. ... канд. филол.наук: 10.02.20 / Д.С. Кажарова. – Нальчик, 2006. – 184 с.
36. Кайтмазова, Н.С. Номинативное пространство фразеологизмов со значением эмоции (на материале английского и осетинского языков) [Текст]: дис. ... канд.филол.наук: 10.02.20 /Н.С.Кайтмазова – М., 2005. – 220 с.
37. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение [Текст] / С.Д.Кацнельсон. - М., Л.: Наука, 1965. – 109 с.
38. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник [Текст] / Н.И.Кондаков.- М.: Наука, 1975. – 720 с.
39. Косицына, И.Б. Лексико-семантическое поле «положительные эмоции» в английском языке: Текстцентрический подход [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.20.04 / И.Б.Косицына. – Москва, 2004. – 257 с.
40. Кошева, А.Ш. Функционально-семантическое поле модальности в разносистемных языках: На материале английского и карачаево-балкарского языков [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ А.Ш.Кошева . – Нальчик, 2006. – 192 с.
41. Крылов, А.Ю. Функционально-семантическое поле эмотивности в арабском литературном языке и арабских разговорных языках машрика и магриба [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.Ю.Крылов. – М., 2010. – 30 с.
42. Кулигина, Т.И. Категория оценки и средства её выражения в современном немецком языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол.наук: 10.02.04 / Т.И.Кулигина. – Л., 1985. – 15 с.

43. Кульбит, Ю.С. Когнитивно-информационная природа эмоционально-оценочной лексики в лингвокультурном пространстве [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 /Ю.С.Кульбит. – Майкоп, 2010. – 164 с.
44. Кунин, А.В. Английская фразеология (теоретический курс) [Текст] /А.В.Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
45. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А.В.Кунин. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.
46. Кунин, А.В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря [Текст] : дис....докт.филол.наук /А.В.Кунин.- М., 1964. – 1229 с.
- 47.Курилович, Е.Р. Заметки о значении слова [Текст] / Е.Р.Курилович // Вопросы языкознания. – 1955. - № 3. – С.73—81.
- 48.Кучменова, Ж.М. Эмоциональные концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балкарского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ж.М.Кучменова.–Нальчик, 2005.–136 с.
- 49.Ли Хуа Положительная эстетическая оценка в русском языке: Красота с позиции носителя китайского языка и культуры [Текст]: дис.... канд.филол.наук: 10.02.01/Хуа Ли. – М., 2006. – 137 с.
- 50.Логический словарь: ДЕФОРТ /Под ред. А.А.Ивина, В.Н.Переверзева, В.В.Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 269 с.
51. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов [Текст] /Ж.Марузо.- М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 436 с.
52. Матевосян, Л.Б. Толкование эмоциональных состояний как ключ к пониманию культур [Текст] /Л.Б.Матевосян //Филологические науки, 1999. - № 3. – С.96-100.
53. Мокаева, И.Р. Этические концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балкарского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол.наук: 10.02.19/ И.Р.Мокаева. – Нальчик, 2004. – 157 с.

54. Моххамад, А.Х. Национально-культурные особенности соматических фразеологизмов русского языка [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Х. Моххамад. - М., 1994. - 156 с.
55. Мугидова, М.А. Соматические фразеологические единицы кумыкского и русского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.И. Мугидова. - Махачкала, 2005. - 21 с.
56. Огольцев, В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии [Текст] / В.М.Огольцев. – Л.: ЛГУ, 1978. – 160 с.
57. Отаров, И. М. Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка [Текст] /И.М.Отаров. - Нальчик: Эл-Фа, 2002. - 197с.
58. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка [Текст]/ И.М.Отаров. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 217 с.
59. Орлова, Н.Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект (на материале современной английской прозы) [Текст] : автореф. дис. ... канд.филол.наук: 10.02.19, 10.02.04 / Н.Н.Орлова. – Ростов-на-Дону, 2009.–25 с.
60. Петрова, Г.В. Обязательность и факультативность оценочных наречий «хорошо/ плохо» в глагольной группе [Текст] /Г.В.Петрова // Структура и функционирование языка. - М.: Наука, 1981. - С. 137-145.
61. Плоткин, В.Я. Эволюция фонологических систем. На материале германских языков [Текст] /В.Я.Плоткин. - М.: Наука, 1982. - 129 с.
62. Покровская, Я.А. Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол.наук: 10.02.20 /Я.А.Покровская. – Волгоград, 1998. – 19 с.
63. Потебня, А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка [Текст] / А.А.Потебня. – Харьков, 1894. – 164 с.
64. Прищепчук, С.А. Особенности воспроизведения оценочной лексики в переводе (на материале политического дискурса) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 /С.А. Прищепчук.–Пятигорск, 2009.–27 с.

65. Руденко, С.А. Фразео-лексическая глагольная парадигма в современном английском языке [Текст]: автореф. дис....канд. филол.наук: 10.02.04 /С.А.Руденко. – М., 1981. – 19 с.
66. Русская грамматика (под ред. Н.Ю.Шведовой) Т. II. Синтаксис [Текст]. – М.: Наука, 1982. – 709 с.
67. Сакаева, Л.Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, таджикского и татарского языков) [Текст]: автореф.дис....докт.филол.наук: 10.02.20/ Л.Р.Сакаева. – Уфа, 2009. – 34 с.
68. Селезнёва, Е.Г. Национальная специфика фразеологической концептуализации (по материалам русской и немецкой соматической фразеологии) [Текст]: дис. ... канд.филол.наук:10.02.19/ Е.Г.Селезнёва. – Воронеж, 2006. – 295 с.
69. Сидякова, Н.М. Компаративные фразеологические единицы типа (as) + прил. + as + сущ. в современном английском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Н.М. Сидякова. - М., 1967. - 385 с.
70. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н.Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
71. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н.Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
72. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанные значения слова в языке [Текст] / В.Н.Телия. – М.: Наука, 1981. – 268 с.
73. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность (Отв. ред. А. В. Бондарко) [Текст]. - Л.: Наука, 1990. - 263 с.
74. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур [Текст] / С.Г.Тер-Минасова. – М.: АСТ-Астрель-Хранитель, 2007. – 286 с.
75. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г.Тер-Минасова. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. – 624 с.

76. Хомякова, Н.А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском и английском языках (сопоставительный анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол.наук: 10.02.20/ Н.А.Хомякова . – М., 2008. – 23 с.
77. Хоссейн, М.А. Национально-культурные особенности соматических фразеологизмов русского языка [Текст]: дис. ... канд.филол.наук: 10.02.01 / М.А.Хоссейн. – М., 1994. – 156 с.
78. Хуболов, С.М. Предложения с моновалентными предикатами - фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке [Текст] / С.М.Хуболов. - Нальчик: Книга, 2002. - 147 с.
79. Шамне, Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации [Текст] / Н.Л.Шамне. – Волгоград: Изд-во ВГУ, 1999. – 208 с.
80. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк., 1985. - 359 с.
81. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И.Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 190 с.
82. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций [Текст] / В.И.Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
83. Шаховский, В.И. Отражение эмоций в семантике слова [Текст] / В.И.Шаховский // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1987. – Том LXV. – С.237-243.
84. Шаховский, В.И. Типы значений эмотивной лексики [Текст] / В.И.Шаховский // Вопросы языкознания. – 1994. - № 1. – С.20-25.
85. Шаховский, В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология [Текст] / В.И.Шаховский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 128 с.
86. Шаховский В.И. Эмоционально-экспрессивная функция диминутивных суффиксов [Текст] / В.И.Шаховский. // Вопросы германской филологии. Волгоград, 1968. - 210 с.

87. Шепилова, Т.А. Французские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом: семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Т.А. Шепилова. - Воронеж, 2001.-157 с.
88. Шмелёв, Д.Н. Значение слова [Текст] / Д.Н.Шмелёв // Русский язык. Энциклопедия (гл. ред. Ф.П.Филин).- М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432с.
89. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д.Н.Шмелёв. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
90. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р.Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С.193-230.
91. Яхина, А.М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках (на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 /А.М.Яхина. – Казань, 2008. – 24 с.
92. Aitchison, J. Cognitive clouds and semantic shadows [Text] / J.Aitchison // Language and Communication. – Oxford, 1985. – P.69-93.
93. Bally, Ch. Précis de stylistique [Text] /Ch.Bally. – Genève: Eggimann, 1905. – 183 p.
94. Bally, Ch. Traité de stylistique française [Text] /Ch.Bally. – Heidelberg: C.Winter, 1921. – Vol.I. – 331 p.
95. Bierwisch, M. Some Semantic Universals of German Adjectivals [Text] /M. Bierwisch // Foundations of Language. - Dordrecht, 1967, Vol. 3, №1 - P.1-37.
96. Boucher, J., Osgood, Ch.E. The Pollyanna Hypothesis / J. Boucher, Ch.E. Osgood // Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour, 1969. - Vol.8, № 1.–P.1-8.
97. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung [Text] / H.Brinkmann.- Düsseldorf, Schwann, 1962. - 654 S.

98. Brown, P., Levinson, S.D. Politeness: Some universals in language usage [Text] / P. Brown, S.D. Levinson. – Cambridge University Press, 1987.– 310 p.
99. Brunot, F. La pensée et la langue [Text] / F.Brunot. – Paris: Masson, 1965. – 982 p.
100. Buhler, K. Die Axiomatik der Sprachwissenschaft [Text] / K.Buhler // Kantstudien. – Berlin. - 1933. – XXXVIII. – S.19-90.
101. Buysens, E. De la connotation ou communication implicite [Text] / E.Buysens // Actes du X-e Congrès International des Linguistes tenu à Bucarest, 28 août-2 septembre 1967, éd. par Alexandru Graur. - Bucarest: Éditions de l'Académie de la République Socialiste de Roumanie, 1970.- P.711-714
102. Carroll, J.B. The American Heritage Word Frequency Book [Text] / J.B.Carroll (P.Davies, B. Richman (Editors)). –New York: Houghton Mifflin, 1971. – 856 p.
103. Chomsky, N. Language and mind [Text] / N.Chomsky. – New-York: Harcourt, Brace & World, 1968. – 21-56 p.
104. Cruse, D. A. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics [Text] / D.A. Cruse - Oxford University Press, 2000. - 424 p.
105. Cruse, D.A. Lexical Semantics [Text] / D.A. Cruse. - Cambridge University Press, 1997.-310 p.
106. Danesh, F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary-Survey of the Field [Text] / F.Danesh // Preprints of the Plenary Session papers of the XIVth International Congress of Linguists. Berlin, 10-15 August 1987. – 1987. – P.272-291.
107. Ducháček, O. Le champs conceptuel de la beauté en français moderne [Text] / O.Ducháček. – Praha: Statni pedagogické nacl., 1960. – 215 p.
108. Ducháček, O. Le role de la sémantique dans la structure du lexique [Text] / O.Ducháček // ACILP. - Brno, 1976. – XIV/4. – P.319-326.
109. Erdmann, K.O. Die Bedeutung des Wortes [Text] / K.O.Erdmann. – Leipzig: Haesell Verlag, 1925. – 266 S.

110. Ferdinando, Ch. Idioms and Idiomaticity [Text] / Ch. Ferdinando. - Oxford: Oxford University Press, 1996. - 265 p.
111. Fiedler, S. English Phraseology: A coursebook [Text] / S. Fiedler.- Oxford: Oxford University Press, 2007. - 198 p.
112. Glucksberg, S. Understanding Figurative Language: From Metaphors to Idioms [Text] / S. Glucksberg, M.S. McGlone. – New York: Oxford University Press, 2001. – 134 p.
113. Goleman, D. Emotional Intelligence: Why it can matter more than IQ [Text] / D.Goleman. – New York: Bantam Books, 1997. – 368 p.
114. Gray, W. Emotional-Cognitive Structuring: A New Theory of Mind [Text] / W.Gray // Forum for Correspondence and Contact. – 1973. – Vol.5. – P.1-6.
115. Guilbert, L. Le vocabulaire de l’astronotique [Text] /L.Guilbert. - Paris, 1969. - 114 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Башийланы, С.Къ., Жарашыулары, З.Къ. Къарачай-малкъар тилни школ фразеология сёзлюгю [Текст] /С.Къ.Башийланы, З.Къ.Жарашыулары. - Нальчик: Эльбрус, 1994. - 317 б.
2. Гочияев, С. А., Суюнчев, Х. И. Карачаево-балкарско-русский словарь: около 30 000 слов (Карачаево-Черкесский н.-и. ин-т ист., филол. и экономики) [Текст] / С. А. Гочияев, Х. И. Суюнчев/ под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. — М.: Русский язык, 1989. —832 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах [Текст] / В.И.Даль. – М.: Прогресс. 1994. – 3 600 с.
4. Жарашыулары, З.Къ. Къарачай-Малкъар тилни фразеология сёзлюгю [Текст] /З.Къ.Жарашыулары. — Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. - 476 б.
5. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь [Текст]/ А.В.Кунин. – М.: Русский язык, 1984. – 942 с.

6. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ / З-Р [Текст] - Нальчик: Эль-Фа, «2002». - 1168 б.
7. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ / А-Ж [Текст] - Нальчик: «Эль-Фа», 1996. - 1016 б.
8. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ / С-Я [Текст] - Нальчик: «Эль-Фа», 2005. - 1157 б.
9. Мифологический словарь [Текст] – М.: Советская энциклопедия, 1991. - 736 с.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] /С.И.Ожегов. – М.: Русский язык, 1975. – Изд.11-е стер. – 846 с.
11. Толковый словарь кабардино-балкарского языка [Текст] – Нальчик: Эль-Фа Басма АРА, 2002. -1168с.
12. Cambridge Idioms Dictionary, 2nd edition [Text] - Cambridge University Press, 2006. – 489 p.
13. Cambridge International Dictionary of Idioms [Text] -Cambridge University Press, 1998. – 608 p.
14. Collins Co-built English Language Dictionary [Text] - Harper Collins Publishers, 1993. – 1703 p.
15. English Language Dictionary [Text] – London and Glasgow: Collins, 1992. – 1704 p.
16. Freeman, W. A Concise Dictionary of English Idioms [Text] /W.Freeman. – London, Sydney, Aukland, Toronto: Hodder and Stoughton Ltd., 1982. – 215 p.
17. Longman Dictionary of Contemporary English, 4th edition [Text] – Pearson ESL, 2006. – 1968 p.
18. Longman Dictionary of English idioms [Text] /Editorial Director Thomas Hill Long. – London: Longman Group UK Ltd., 1987. – 387 p.
19. Spears, R.A. American Idioms Dictionary [Text] /R.A.Spears. – Lincolnwood, 1991. – 464 p.

20. The Oxford English Dictionary [Text] - Oxford at the Clarendon Press, 1961. – 1240 p.
21. Warren, H. Oxford Learner's Dictionary of English Idioms [Text]/ H. Warren. - Oxford University Press, 1994. – 334 p.

